

Литературное наследство

Выпуск 9–10

УДК 82-3
ББК 84
Л64

Л64 Литературное наследство: Выпуск 9–10 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 528 с.

ISBN 978-5-458-53168-9

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивного забвения и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

ISBN 978-5-458-53168-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ

Если литературоведение и сейчас еще должно быть признано одним из наиболее отстающих участков нашего идеологического фронта, то изучение литературного наследия феодально-крепостнической эпохи должно быть признано одним из наиболее отстающих участков марксистско-ленинского литературоведения. Огромный фактический материал, накопленный в этой области, материал крайне пестрый и неравноценный, до сих пор остается не только не обобщенным, не осмысленным, но и не систематизированным сколько-нибудь полно.

Между тем систематизация материала—этот первоначальный этап всякой научной работы—имеет в данном случае особенно существенное значение. Дело в том, что пестрота и неравноценность его не ограничивается только тем, что он совершенно хаотичен, что какую-то долю его, и долю довольно значительную, составляет всяческий псевдонаучный архивный хлам, сотни и тысячи никому и ни зачем ненужных архивных мелочей и мелочишек. Это действительно так, это определенным образом характеризует теоретические предпосылки и исследовательскую практику старого академического литературоведения, занимавшегося собиранием подобного материала, но это—только одна сторона вопроса.

Другая сторона вопроса, еще более существенная, заключается в том, что материал этот не только пестр и неравноценен по своему научному значению, но что он, помимо всего прочего, носит совершенно ясные следы известной классовой фильтрации. В чем состоял смысл подобной фильтрации? Прежде всего в том, чтобы воспрепятствовать проникновению в научный обиход таких данных, которые рисовали бы феодально-крепостническое общество как общество классовое, основным фактором исторического развития которого является, как и во всяком классовом обществе, классовая борьба. В дворянско-помещичьем литературоведении такого рода задача осуществлялась путем прямого замалчивания всех тех явлений, которые разрушали бы представление о литературе этой эпохи как о продукте идеологической активности исключительно социальных верхов феодально-крепостнического общества, в первую очередь—придворной аристократии. Литература среднего и мелкого дворянства, недворянского городского населения, наконец литература крестьянства просто вычеркивалась из литературного наследия эпохи, признавалась как бы не существующей.

Несколько иначе обстояло дело в литературоведении буржуазном. Замалчивать эстетическую культуру социальных низов феодально-крепостнического общества на предмет вящего превознесения культуры придворно-аристократической ему не было необходимости. Поэтому оно не имело ничего против включения ее памятников в круг исследовательской работы. Но не менее чем литературоведение дворянско-помещичье буржуазное литературоведение было заинтересовано в том, чтобы нейтрализовать в соотношении указанных литературных рядов момент классовой борьбы. Отсюда, прежде всего, тенденция трактовать разнородность идейно-психологического содержания и конструктивно-стилевых установок литературы придворно-аристократической, с одной стороны, литературы низового дворянства и городского мещанства—с другой, и крестьянской литературы—с третьей, как явление, обуславливаемое исключительно разностью культурных уровней каждой из этих социальных групп. Отсюда, далее, неизменно повторяющиеся попытки рассматривать эти литературные ряды как мирно сосуществующие, развивающиеся совершенно изолированно один от другого и не вступающие в процессе своего исторического становления ни в какое взаимодействие между собою. Отсюда наконец стремление к максимальному снижению идейной стороны литературы социальных низов, стремление низвести ее до уровня развлекательного чтения, никак и ничем не отражающего мирозерцания данной классовой прослойки.

Более или менее аналогичная картина наблюдается в области разработки наследия радикальной публицистики XVIII века. С именами Радищева и Новикова старое академическое литературоведение еще мирилось. Исследователи, научная практика кото-

рых была связана в большей степени с классовой практикой буржуазии, нежели с классовой практикой крепостнического дворянства, порою проявляли даже некоторый пиздет к литературному наследию Радищева и Новикова, поскольку освободительные идеи первого и, при всей ее умеренности, фрондирующая сатира второго в какой-то мере были созвучны политическим устремлениям буржуазии в ее попытках борьбы с помещичье-дворянской абсолютистской монархией. Но «вольнодумство» XVIII в. как развернутое, широко разветвленное движение, далеко выходящее за пределы индивидуальных исканий двух-трех отдельных мыслителей, остается забытым до сего дня. Да и та же проблема Радищева и Новикова еще ждет своего исследователя-марксиста. Все исследования об этих мыслителях принадлежат, как правило, буржуазным ученым-идеалистам. Надлежит развернуть в монографическое исследование ценнейшие высказывания Ленина о Радищеве, чрезвычайно высоко ставящего этого последнего (см. напр. Ленин, Соч., 3-е изд., т. IV, стр. 127 и т. XVIII, стр. 81).

В этом последовательном замалчивании всех явлений литературного наследия XVIII в., которые свидетельствовали бы о том, что наряду с дворянскими верхами в литературном движении эпохи участвовали и другие социальные группы и что отношение этих групп к дворянским верхам отнюдь не носило характера мирного сотрудничества, классовость научных позиций старого академического литературоведения сказалась наиболее полно. Но достаточно четко проступают ее классовые корни и в ее подходе к памятникам литературного быта наиболее правого, наиболее реакционного крыла дворянской общественности.

В этом смысле характерна судьба литературного наследия Болотова—одного из омерзительнейших персонажей русской феодально-крепостнической культуры. Академическое литературоведение, охотно и усиленно пропагандируя его «Записки», канонизируемые им в качестве одного из лучших памятников мемуарной литературы эпохи, наиболее полно и объективно отразивших современную мемуаристу действительность, в то же время неизменно игнорировало все остальные его писания, до основания разрушающие легенду о его пресловутой исторической объективности.

Покончить раз навсегда с этими реакционнейшими, от начала до конца враждебными нам представлениями о литературном наследии феодально-крепостнической эпохи—одна из серьезнейших задач, стоящих перед марксистско-ленинской историко-литературной наукой. Задача тем более неотложная, что дальнейшее пренебрежение к данному участку исследовательской работы совершенно естественно влечет за собою крайне вредную по своим последствиям стабилизацию этих реакционнейших представлений. До тех пор, пока не разоблачена их классовая основа, пока они не заменены какими-то другими, новыми, подлинно научными, они конечно будут жить—пусть подспудно—в нашем литературоведческом обиходе.

Между тем разоблачение их важно еще и в другом отношении. Научная практика дворянско-помещичьего и буржуазного литературоведения имела еще и тот вредный результат, что она создавала благоприятнейшую почву для отношения к феодально-крепостнической культуре как культуре мертвой, культуре, никакими нитями не связанной с современностью. Именно то обстоятельство, что из всего многообразия поэтических фондов эпохи в течение многих десятилетий выдвигалось на первый план то, что было направлено к утверждению и прославлению феодально-крепостнического уклада, и всячески замалчивалось то, что было обращено против этого уклада, определило огульно отрицательное отношение к XVIII в. как к архивной мертвечине со стороны Белинского, со стороны радикальной демократической критики 60-х годов и наконец со стороны целого ряда представителей раннего литературного марксизма.

Чтобы та работа по переосмыслению литературного наследия рассматриваемой эпохи под углом зрения марксизма-ленинизма, о которой говорилось выше, не замыкалась в рамки сухого и одностороннего академизма, необходимо прежде всего преодолеть эту инерцию.

Необходимо понять, что формировавший феодально-крепостническую культуру социально-экономический и культурно-бытовой уклад вовсе не является такой седой археологической древностью, как может показаться это, если скользить по поверхности вещей, не вникая в их сущность. Необходимо понять, что на протяжении всего прошлого столетия крепостнические пережитки являются одним из основных и определяющих факторов исторического развития России, что не только в дореформенную, но и в пореформенную эпоху эти пережитки пронизывают все поры российской экономики и сообщают особую специфическую окраску всей системе надстроек, что только на наших глазах—в октябрьские дни—окончательно рухнуло вековое здание крепостнического государства.

Отсюда совершенно очевидно, что изучение XVIII в.—периода высшего расцвета, высшего апогея феодально-крепостнического строя—не имеет и отдаленного привкуса какого-то академического гурманства. Утверждая необходимость включения этой эпохи в орбиту научно-исследовательской работы, мы не отступаем от марксистско-ленинского принципа—изучать прошлое не ради самого прошлого, а ради того, чтобы полнее и глубже понять настоящее,—а осуществляем этот принцип.

Если вне изучения феодально-крепостнического строя и феодально-крепостнической культуры периода ее расцвета невозможно выработать должную классовую перспективу для изучения последующих этапов русского исторического процесса, то вне изучения первых попыток борьбы с этим строем невозможно понять дальнейшие этапы этой борьбы. От подпольной поэзии екатерининских и павловских времен протягиваются прямые нити к вольным эпиграммам Пушкина, от Радищева—к Пестелю.

Художественная ценность ряда произведений литературы XVIII в.—еще один довод за углубленное марксистско-ленинское изучение этой литературы. Многие художественные образы, рожденные XVIII в., живы до сих пор. Вспомним хотя бы тот пример, что державинский образ «как солнце в малой капле вод» (из оды «Бог») является одним из излюбленных образов Ленина, часто прибегающего к нему в своих произведениях (см. напр. Ленин, Соч., 3-е изд., т. II, стр. 238; т. V, стр. 159; т. VII, стр. 359; т. X, стр. 263; т. XII, стр. 314; т. XIV, стр. 127; т. XV, стр. 238). То же можно сказать о многочисленных образах басен Крылова. Любопытно, что эти образы также часто встречаются в ленинских текстах (общее количество их здесь превышает 60): то мы сталкиваемся с зайцем-Потресовым, которому стоит дать клочок медвежьего ушка, то с лисой-Богдановым, вздыхающим о том, что «зелен виноград», то с тришкиным кафтаном буржуазного попечения о «меньшом брате», то с москвой-Михайловским, лающим на слона Маркса, или с выразительным эпиграфом к статье, кончающимся словами «услужливый Струве опаснее врага» (Ленин, Соч., 3-е изд., т. II, стр. 86, 140, 194; т. I, стр. 78; т. VI, стр. 368). Крылов хотя и не принадлежит целиком XVIII в., но все же стоит там одной ногой,—поэтому стоит упомянуть тут и о его творчестве.

Сказанное в основном объясняет состав настоящего сборника в первом его разделе—в разделе публикаций и исследований.

Более узкие цели преследует печатаемая в настоящем сборнике серия обзоров. Выше мы уже отмечали, что собирание сырого фактического материала из области литературной жизни рассматриваемой эпохи протекало совершенно хаотично. В результате до сих пор мы не имеем в полной мере отвечающих требованиям современной науки собраний сочинений крупнейших литературных деятелей того времени. Как один из подготовительных этапов на пути к таким собраниям имеет большое значение приведение в порядок их литературного наследия. Эту задачу и ставят перед собой обзоры, посвященные Ломоносову, Державину и др.

Иногда в результате такой работы приходится вносить более или менее существенные коррективы в привычные характеристики того или иного литературного деятеля. Так в результате проделанной М. Габель работы по обследованию литературного наследия Княжнина оказалась совершенно разрушенной традиционная легенда о Княжнине-революционере и весь княжнинский радикализм принял гораздо более умеренный оттенок.

В заключение отмечаем, что, выпуская в свет этот сборник, редакция в полной мере сознает его недостатки. Вследствие констатированного выше установившегося пренебрежительного отношения к той эпохе, которой посвящен этот сборник, со стороны представителей марксистско-ленинского литературоведения вопрос о научно-исследовательских кадрах стоит в этой области острее, чем в какой-либо другой. Чаше, чем где-либо, здесь приходится обращаться к опыту и знаниям работников, методологическая перестройка которых в сторону марксизма-ленинизма далеко еще не завершена. Это обстоятельство естественно ведет к тому, что не все помещенные в сборнике работы оказываются равноценными по своему теоретическому уровню и по правильности постановки и разрешения трактуемых вопросов.

Читателю придется столкнуться с многообразием и разнородностью представленных в сборнике точек зрения по отдельным вопросам литературного движения рассматриваемой эпохи. Это понятно, если учесть, что изучение литературы XVIII в. до сих пор находилось почти в монопольном ведении идеалистов и эклектиков всех толков и мастей. Если этот сборник сыграет роль хотя бы зачина дальнейшей развернутой и углубленной марксистской работы по изучению литературного наследия феодально-крепостнической эпохи, то редакция будет считать, что поставленная ею задача выполнена.

В заключение считаем необходимым сказать несколько слов об иллюстративном материале сборника. Иконографические фонды XVIII в. вообще говоря довольно обильны. Но по своей социальной окраске они почти целиком являются продуктом эстетической культуры придворно-аристократических верхов современного общества. Социально-бытовой и идейно-психологический уклад низовых классовых группировок представлен в них в минимальной степени. Поэтому при взятой редакцией установке на развернутый показ именно «низовой» литературы возможность использования их неизбежно оказывалась весьма и весьма относительной.

Это вынудило редакцию отказаться от обычно применяемого ею в подборе иллюстраций принципа прямого иллюстрирования публикуемых текстов. Сгруппированный в сборнике иллюстративный материал в значительной мере самостоятелен. Думаем однако, что это не умаляет его ценности. Наоборот,—есть все основания предполагать, что сгруппированные здесь образцы например жанровой живописи эпохи, при почти полной ее неизученности, могут представить известный интерес и для специалистов-искусствоведов.

Непосредственное участие в работе по организации настоящего сборника принимал Г. А. Г у к о в с к и й. Значительную помощь в этом направлении оказал редакции И. Л. А н д р о н и к о в. Большая часть фотоснимков для сборника выполнена фотолабораторией Академии Наук СССР, руководимой С. Г. Г а с и л о в ы м, и фотолабораторией Государственного Исторического Музея, руководимой А. В. Х л е б н и к о в ы м. Всем лицам и организациям, содействовавшим осуществлению сборника,—благодарность редакции.

ПОДПОЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ 1770—1800-х годов

Публикация Г. Гуковского и В. Орлова

I

Литература XVIII в. знала два способа распространения стихотворных и прозаических произведений, два способа, почти равноправных: печать—книга, брошюра, журнал, листовка, с одной стороны, и рукопись, список—с другой. В рукописных собраниях и архивах Ленинграда и Москвы хранится множество листков, тетрадей, томиков, а иногда и больших толстых книг, исписанных чаще всего не слишком каллиграфическими почерками любителей литературы XVIII и начала XIX вв., содержащих литературные произведения этой эпохи.

Печатная книга в те времена была очень и очень дорога. Заплатить 2—3 рубля и более за книжку стихов, когда годовой оброк крепостного крестьянина своему «барину» составлял сумму в 3—6 рублей, когда на 3 рубля можно было прожить три месяца, для многих было невозможно.

Читателей литература вообще имела немного; тираж печатной книги в 1200 экземпляров в 60-х и даже 70-х годах XVIII в. считался крупным тиражом; но книги выходили с тиражом и в 600, и в 300, и даже в 200 экз.; журнал мог выходить, имея полтораста подписчиков. Но может быть не менее, чем печатных экземпляров, расходилось в «публике» списков многих произведений.

Рукописная книга подчинялась естественному отбору читательских интересов: читатель списывал то, что ему нравилось; вещи, не имевшие успеха, не попадали в рукописную традицию. С другой стороны, рукописная книга была свободна от цензуры, от журнальной дипломатии, от защитного цвета официальных мнений, обязательного для большинства печатных книг. Многие попадали в рукописные книги и получали широкое распространение задолго до печати; многие так и оставались навсегда в рукописях, нисколько не страдая от этого в смысле известности, читательского успеха, участия в литературной борьбе.

Тем интереснее изучить наследие многочисленных рукописных сборников, что по ним мы сможем судить и о таких сторонах литературной жизни, о которых иногда мы не получим достаточных материалов на основании анализа только лишь печатной книги того времени.

Составителями рукописных сборников, переписчиками и владельцами их бывали чаще всего «средние» люди: какой-нибудь офицер, сидящий год за годом в провинции при своем полку, средний помещик, чиновник, может быть купец. Иногда они списывали с печатной книжки, взятой на время у ее владельца, но чаще со списков же, хотя в послед-

нем случае все же иной раз первоисточником традиции являлась печатная книга (напр. журнал). Основная масса текстов, вписывавшихся в рукописные книги,—это стихи и исторические документы, т. е. реляции военачальников о сражениях, рескрипты царей, переписка знаменитых или популярных политических деятелей, официальные «записки» по политическим вопросам, подаваемые этими деятелями правительству, и т. д.; следовательно этот отдел рукописной литературы являлся своеобразной заменой позднейшей неофициальной политической газеты, не существовавшей еще в печатном виде в XVIII и почти не существовавшей в начале XIX в. Здесь получали свое—впрочем довольно урезанное—выражение политические интересы и политическая мысль различных группировок привилегированных классов; здесь сосредоточивалась независимая, а иной раз и оппозиционная публицистическая продукция этих группировок; здесь выступали перед публикой лидеры тех или иных партий, боровшихся вокруг власти; здесь же и правительство демонстрировало свою деятельность.

Что же касается стихов (и изредка прозаических произведений художественной литературы), то в рукописи попадало все вообще, что нравилось, что имело успех. Списывались басни Сумарокова, иногда целые трагедии его, позднее песни Дмитриева, еще позднее—Жуковский в необычайном изобилии, Пушкин. Но рядом с этими вещами, попавшими в рукописную традицию из печати, особое место в ней занимает литература, недопустимая для печати того времени, специфическая именно только для рукописной традиции. С одной стороны,—это Барков, это многочисленные продолжатели его традиций, порнографы и просто эротические писатели (сюда же относятся и некоторые стихотворения, бывшие в печати, как например сказка П. Карбанова «Нет», распространенная в списках анонимно⁴). С другой стороны,—это нецензурная литература другого типа, это—литературная полемика, недопустимая в печати по обычаям того времени, да и на самом деле нередко очень грубая, это—сатира или даже пасквиль на то или другое известное лицо, будь то Сумароков, или Рубан, или какой-нибудь чиновник, это, наконец, политический памфлет, эпиграмма, стихотворная инвектива против власти, против тех или иных ее представителей, против направления ее политики.

На правах такой именно нелегальной литературы приобрели всеобщую известность многие оды Державина, которые не могли в течение ряда лет быть опубликованы в печати по цензурным условиям. Таким же, в сущности, образом списывалась целиком вся объемистая книга Радищева, уничтоженная и строжайше запрещенная. Позднее таким же образом стали общеизвестны и стихотворения Марина, и ноэли, и «Деревня», и «Кинжал» молодого Пушкина, и др.

Часть произведений такой нелегальной поэзии анонимна, и не мало среди них написано дилетантами, руководимыми больше всего желанием выразить свое общественное или личное негодование, пустить «в народ» инвективу против неугодного им лица и т. п. и не предполагавшими выступать в области художественной литературы в качестве «настоящих» поэтов. Это не делает конечно произведения таких дилетантов менее интересными для историка литературы.

Особое ответвление дилетантской подпольной литературы составляет так сказать ведомственная поэзия, с образцами которой мы часто

встречаемся в сборниках XVIII—начала XIX в. Сатира на чиновников какого-нибудь учреждения, на офицеров какого-нибудь определенного полка, шуточные стихи на какое-нибудь скандальное или смешное событие в жизни небольшой группы людей, объединенных служебными или узкоместными интересами, перебранка в стихах двух врагов-сослуживцев или соседей—таково обычное содержание этих ведомственных стихов. Они имели первоначальное хождение в узком кругу людей, знакомых с их «реалиями», для которых намеки, заключенные в них, были понятны и смешны, для которых сатира их была убедительна. Однако же самое обилие такой местной сатиры указывает на то, что ее значение перерастало границы только лишь локального интереса. При крайней узости вообще «читательских» кругов, при узости вообще всего официального, чиновничье-офицерского круга тогдашней России, когда все «служащие» в мало-мальски заметных чинах или хотя бы в заметных учреждениях и полках были на виду, ведомственная сатира могла приобретать значение «общегражданской». Ведь именно из такой местной, служебной поэзии выросло примечательное творчество Марина; с этой же подпольной традицией тесно связано искусство не только И. М. Долгорукова, но и знаменитого автора украинской «Енеиды» И. П. Котляревского и даже отчасти самого Державина.

Рядом с дилетантскими и «ведомственными» произведениями мы встречаемся в подпольной традиции и с вещами, вышедшими из-под пера настоящих поэтов, иногда больших мастеров.

Таким образом помимо официальной, печатной, литературы образовалась во второй половине XVIII в. прочная традиция другой, подпольной, литературы, чаще всего более злободневной и во всяком случае более откровенной, чем печатная. Эта подпольная литература и, в частности, подпольная поэзия не приведена еще в достаточной мере в известность историей литературы. Лишь немногим из популярных и широко распространенных в эпоху Державина и Карамзина рукописным стихотворениям повезло в позднейшей науке; например издана— и издана не один раз—сатира на министров Александра I—«Бостон»²; издана неоднократно пародия Марина на оду из Иова Ломоносова, заключающая памфлет против Павла I, «Святки» Д. П. Горчакова и др. Но большинство стихотворений, по большей части анонимных, «носившихся в народе» в это время, до сих пор погребено на страницах рукописных книг и собраний, среди которых есть и составленные достаточно известными людьми, как например Болотов или Державин.

Между тем пристальное изучение рукописной литературы XVIII и начала XIX в. может дать весьма значительный материал для характеристики литературной жизни не только тех ведущих в культурном отношении групп общества, прежде всего помещичьих групп, которые владели наибольшими возможностями проявить свое творчество и в печати, но и тех классовых групп, которые не имели достаточно силы, чтобы выступить открыто на арену литературной борьбы. Это же ведет нас и к тому материалу, который мы сможем почерпнуть из подпольной литературы для характеристики движения социально-политической мысли в данную эпоху, для изучения расстановки социальных сил,—и не только в области художественного творчества. Не задаваясь в настоящей публикации широкими целями изучения рукописной поэзии в целом или хотя бы в одном из ее ответвлений, мы хотим лишь предложить

И вѣжѣ что Бодро стѣпаешъ
А своєю харею люде пѣжаешъ
Толко на тебѣ уборъ хорошъ
А харею вѣсма непригоѣ

ЩЕГОЛИХА

Народная картинка - карикатура XVIII века

(Она говорит щеголю:

„И я вижу что бодро ступаешь,
А своєю харею людей пужаешь,
Только на тебе убор хорош,
А харею вѣсма не пригож“.)

Публичная Библиотека, Ленинград

ЩЕГОЛЬ

Народная картинка - карикатура XVIII века

(Он говорит щеголихе:

„Я старик невелик, а бодер ступать
Кто бы со мною вышел потанцовать.
Токмо на меня не дивитесь
Зря на мою персону веселитесь“.)

Публичная Библиотека, Ленинград

вниманию читателя несколько произведений, извлеченных из старинных рукописных тетрадей или книг, при чем стихотворения эти в том или ином направлении составляют оппозицию существовавшим тогда правительственным лицам, мероприятиям или организациям. Особо стоят при этом произведения уже не только оппозиционные, а в основном осуществляющие антифеодальную, «Радищевскую» струю русской поэзии. Такие стихи лишней раз убеждают нас в том, что ни в обществе, ни в литературе второй половины XVIII в. вовсе не было того официального благополучия, которое прокламировалось властью и нередко принималось на веру, по крайней мере в отношении дворянства и его творчества, в науке и критике не только XIX, но и XX в. Одна только печатная литература не может дать исчерпывающего материала для суждения о «состоянии умов» различных классов при Екатерине II. Лишь с трудом попадали в нее отзвуки подлинных настроений тех или иных социальных групп или даже общественного мировоззрения того или иного писателя, если он не был настроен совершенно официально. Последнее же бывало далеко не часто. Журнал Фонвизина был запрещен еще до своего рождения. Оды Державина, Капниста оказывались «нецензурны» и т. д.³

Даже мемуарная литература не всегда дает достаточно возможностей судить об отношении к власти и к социальным проблемам вообще тех социальных групп, с которыми были связаны мемуаристы, поскольку нередко они, по ряду причин, мало касались вопросов «политики» (отчасти и из естественной осторожности). В этом отношении рукописная литература является сильным подкреплением тех данных, которые нам дают исторические материалы, касающиеся социально-политической практики классовых групп эпохи, и в то же время тех данных, которые мы можем по кусочкам, по намекам, по мелочам извлечь из переписки, частных архивов (и то и другое сохранилось или опубликовано в весьма недостаточном количестве), также и из печатной литературы.

Рукописная литература нисколько не уважает власти. Возможности в этом отношении отличают ее даже от архивных материалов, писем и т. п., всегда более подверженных страху своих владельцев; кроме того ведь до нас дошли архивы главным образом вполне официальных лиц.

Убедительным контрастом рядом с торжественными одами звучит стихотворение, помещенное в сборнике «Девическая игрушка», т. е. в сборнике Барковских и псевдо-барковских произведений с названием «Е.....а (сатира на русскую императрицу Анну Иоанновну)»⁴. Эта сатира несомненно написана вовсе не к приезду в Россию Анны Иоанновны по случаю «избрания» ее на императорский престол в 1730 г., как хочет представить дело название (может быть сформулированное вообще в XIX в.). Она написана правильным ямбом, немислимым для стихотворения начала 30-х годов, да и язык ее свидетельствует о том, что она относится к концу XVIII в. Она написана конечно и не в порядке насмешки над Анной Иоанновной, умершей около полустолетия назад. Имя Анны Иоанновны поставлено здесь, думается, для отвода глаз, на всякий случай, для возможного полицейского вмешательства. Можно с уверенностью сказать, что на самом деле стихотворение имеет в виду «царствующую императрицу» Екатерину II и приурочено к ее путешествию в Новороссию и Крым в 1787 г.